

ИРИНА
ПИМЕНОВА

НИ ИМЕН
НИ ПРИМЕТ

Ирина Пименова
Ни имён, ни примет

«Эдитус»

2024

Пименова И. Н.

Ни имён, ни примет / И. Н. Пименова — «Эдитус», 2024

ISBN 978-5-00217-284-9

Мир в конце XXI века — прекрасное место для жизни. Чудеса технологий сделали жизнь людей легкой и беззаботной. С помощью сети брейннет, заменившей устаревший Интернет, можно мысленно подключаться к хранилищам информации. Новый телефон онфон позволяет звонить на Луну, Марс и другие планеты, успешно освоенные человечеством. Но за яркой картинкой прогресса скрыта страшная беда. Люди стали слишком... счастливыми. Они живут в постоянной эйфории, быстро «выгорают» от легкого исполнения желаний. Конец печальный — психиатрическая клиника или самоубийство. Ученые подозревают, что сознанием человечества управляет некий могущественный разум. «Чистых» людей, не зараженных странной болезнью, отправляют на орбитальную станцию. Все попадают туда по-разному. Молодую преподавательницу Яру запугивают, биолога Николая Николаевича убеждают, мальчика Андрея просто похищают.

Кажется, космическая станция — надежное убежище, защищающее от страшного «вируса счастья». Но людям беспокойно в этом тесном мирке. Они подозревают, что их новый дом таит в себе странные секреты. Какие приключения ждут обитателей станции? Сумеют ли они добиться настоящего, не «вирусного» счастья? Вы найдете ответы на страницах захватывающего фантастического романа И. Пименовой «Ни имен, ни примет».

ISBN 978-5-00217-284-9

© Пименова И. Н., 2024

© Эдитус, 2024

Содержание

Часть I. Станция	7
Глава 1	7
Глава 2	8
Глава 3	10
Глава 4	13
Глава 5	17
Глава 6	18
Глава 7	22
Часть II. Земля	23
Глава 1	23
Глава 2	26
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Ирина Пименова

Ни имён, ни примет

© Пименова И.

* * *

*5 минут требуется ракете для выхода в космос.
Нам понадобилось на это достижение более 150 000 лет.*

Часть I. Станция

Глава 1

Ярослава сидела на кровати. Ее давно мучила бессонница. Часы показывали 3.12 утра. Еще четыре с лишним часа до будильника.

Будильник! Когда-то давно она ненавидела этот маленький, назойливо вибрирующий приборчик. В той жизни он мешал ей выспаться. Теперь она воспринимала его как нечто бесполезное и ненужное. Всё равно не спишь, а если забудешься тяжелым сном, то обязательно под утро, прямо перед его зудящим, нарастающим звуком. На станции понятие «под утро» существовало только благодаря земным привычкам, но всё же...

Она встала, выпила стакан воды. Подошла к монитору-коммуникатору. Экран серебрился мутноватым свечением, новостей не было. Вся станция спала.

В такие часы Ярослава ходила в библиотеку. Можно было просто перелистать книги, и робот-библиотекарь не мешал своими советами. Библиотека была маленькая и размещалась в простой каюте, где вместо обычной обстановки были организованы книжные стеллажи с одной стороны и маленький столик – с другой. За нее, пожалуй, больше всего Ярослава была благодарна капитану – человеку далеко не сентиментальному. Забрать с собой книги на станцию в момент эвакуации – невыносимо! Видимо, каждый по-своему пытается сохранить человечность.

Книги! Они стояли рядами на полках, настоящие – бумажные, с красочными корешками, иногда с золотым тиснением, местами покрытые пылью, местами под углом, а не вертикально, будто кто-то поставил их небрежно второпях. Они еще пахли той жизнью, как если бы ничего не произошло. Просто ждали читателя.

Не то чтобы она очень любила читать, но было в этом какое-то умиротворение.

Библиотека отличалась большими для такого помещения иллюминаторами, через которые виднелась величественно проплывающая Земля. По ночам она светила мегаполисами, как и прежде. Яра иногда играла сама с собой в угадку – пыталась узнать город по очертаниям света.

Иногда Яра разглядывала иллюстрации и фото в книгах. Честно говоря, сама она не любила фотографию. Зачем это нужно? Свидетельство давно утерянной жизни? Всё же ведь кончилось, события канули в Лету. Зачем ворошить? Надо жить настоящим.

Мрачные мысли прервал треск коммуникатора – в каждом помещении на станции имелся точно такой же, как у нее в каюте.

«Надо же, вторая половина XXI века, а он трещит, как старое, музейное радио», – пришло ей в голову.

Глава 2

Экран засветился, ожил, показалось лицо старшего по смене. Еще заспанное. Нехотя Яра посмотрела на наручные часы – 6.45. Не так чтобы подъем. Наверное, что-то случилось.

– Ты опять не спишь! На утренней летучке будешь невнимательна! – он откашлялся и с недовольством пожурил ее.

– Как ты нашел меня? – спросила Яра беззлобно.

– У тебя два места ночных бдений: изба-читальня и бассейн. – В отличие от нее, старший по смене не любил книги. – Я начал с библиотеки.

– Что-то случилось?

– Так, просто... тоже не спится, – проворчал он.

Утро приближалось. Станция, как большой муравейник, потихоньку оживала, выходила из зыбкой дремоты и, наконец, глубоко вздохнув, пришла в движение. То тут, то там начали снова курьеры, учителя, врачи, тренеры. Станция напоминала государство, в котором есть всё – от армии до детского сада.

Он был прав. После хронического недосыпа Яра долго приходила в рабочее состояние. Она от природы очень легкая на подъем, оптимистичная и трудолюбивая, но бессонные ночи имели свое влияние. А ему как старшему сменному нужен бодрый персонал.

Ее работа не отличалась большим разнообразием. Как всегда, утром – раздать всем математические задачки после предварительно проведенной разминки и сеанса медитации, и дальше учебный день пойдет своим чередом, группа за группой. Малыши, школьники, «старики».

С детьми работать было приятнее. Их не надо особенно подталкивать. Они даже могли дать фору начинающему майнд-фитнес тренеру.

В общем, поднявшись в каюту, приведя себя в порядок и подготовившись к рабочему дню, Яра выскочила на завтрак.

В просторном помещении столовой, совсем не свойственном старым космическим станциям, совмещенном с оранжереей и имеющим прозрачный, открывающийся купол-потолок, она дождалась свою смену. Все вместе, улыбаясь и шутя на ходу, они протиснулись к столикам и приступили к вкусно пахнущим оладушкам, сырникам, кашам и омлетам.

На станции был хороший шеф-повар, он считал, что раз живем не на Земле, так хотя бы питаться должны как дома. В его кухне всегда происходило какое-то волшебство, окутанное поистине чарующими запахами.

– Как дела, Ярка? – спросил добродушный здоровяк, поглощающий вторую порцию блинов с вареньем. – Всё шатаешься по ночам в библиотеку?

– Хожу... – загадочно улыбаясь, ответила она. – Ты на сладенькое-то не налегай, а то в ложемент не втиснешься! Тебе надо будет не мозг прокачивать, а вес сбивать! – задиристо отреагировала Ярославла.

– Сегодня всё, как всегда, однообразно, – как-то скучно заметила Катя, – сначала летучка, потом работа, обед, так и весь день пройдет.

Катя была совсем юная, наверное, самая молодая среди них. Она, высокая, стройная блондинка с правильными чертами лица, не отличалась яркой внешностью, была, скорее, милой. Но взгляд ее зеленых глаз всегда производил сильное впечатление. Смотреть она привыкла долго и изучающее, как психолог, прямо в душу. Это завораживало. Сегодня она была явно не в духе, отчего ее обычно прозрачно-зеленые глаза подернулись глубоким малахитовым туманом.

– Посмотрим, что нам новенького приготовили. Говорят, за ночь еще двоих привезли, – отозвался Саня, причмокивая блинчиками и посерьезнев в момент.

Саня, рослый, слегка располневший, немного неряшливый, но очень энергичный биохимик, всегда был полон идей, которые не давали ему покоя, и ему всегда хотелось что-нибудь проверить и протестировать. Его темно-каштановые волосы, то ли за неимением расчески, то ли вследствие пренебрежения ею, торчали в разные стороны, а острый, испытывающий взгляд выдавал сверхлюбопытную натуру естествоиспытателя.

– Это когда ты всё узнал? Только утро! Опять в зону прилета бегал? – не удержалась Катя.

– Ну, бегал... – слегка отводя глаза, нехотя пробормотал Саня.

Летучка прошла по-утреннему бодро, быстро и без сюрпризов. Все отправились по делам. Яра – проводить уроки, Катя – оказывать психологические консультации тем, кому оказалось тяжело освоиться на станции. А Саня, как всегда, в биоинженерную лабораторию. Его мир составляли запчасти биопротезов рук и ног. На Яру его лаборатория производила жутковатое впечатление, она не любила туда заглядывать.

Про ночных гостей больше никто ничего не слышал. Даже если их и привезли, ближайšie две недели они проведут в карантине.

Глава 3

Из раздумий Яру вывел один мальчик в средней группе, одиннадцати лет. Андрюша, очень деятельный по натуре, и если он заканчивал тест раньше всех, то просто не мог дожидаться, когда подтянутся остальные. Он начинал елозить, сверлить Яру взглядом, как будто спрашивая: «Ну скоро?»

Он оказался очень смысленным и моментально учился новому. Его показатели выделялись из группы. Он был точный и быстрый, правда, слегка нервный и подозрительный. Но кого сейчас этим удивишь? Яра думала, его следует перевести к старшим, несмотря на возраст, и заодно показать Кате, чтобы она еще раз проверила психотип.

Спустя время он так и останется в ее памяти «тем мальчиком», ну а пока она вспомнила, как он появился у них на станции.

Его нашли одного, «чистого» – с незамутненным сознанием, почти не покалеченного психологически. И даже нервная система сохранилась почти неповрежденной. Ему тогда было лет восемь. Он сидел на детской площадке, не хотел уходить. Всё ждал родителей с работы. Видимо, он их и сейчас ждет, уже здесь, на станции, после стольких лет. Их так и не нашли. Полностью «чистые семьи» встречались очень редко.

За ним предварительно понаблюдали. Всё сделали аккуратно. Забрали не слишком рано и не слишком поздно. Андрюшке рассказали легенду о «несчастном случае» и необходимости улететь на орбитальную станцию, где он найдет много новых друзей, а заодно пройдет медицинское обследование. На вопросы, чем он болен и почему нельзя лечиться на Земле, ему просто сказали правду. Дети всегда легче ее принимают. Это их самое большое преимущество. Взрослые начинают цепляться, ну хоть за что-то: за работу, прожитые годы, потерянных родственников, какое-то имущество... Ему сказали, что он заражен, но болезнь, скорее всего, еще не проявила себя, а лечение возможно только там, на станции. Но надо проверить. Он полетел... Добровольно... Но он ждал. Ждал маму с папой. Все-таки он что-то видел там, что-то, чего не смог себе объяснить. Но никогда не делился...

По прибытии на станцию его почти сразу определили в младшую группу в школе. Жил он в интернате, при школе.

А пока занятие протекало легко и даже скучно.

Школа на станции была объединена с детским садом и занимала один из отсеков, ближе к оранжерее и к столовой, подальше от центра управления, зон прилета с суетой транспортных челноков и ненароком показывающихся там легких, медицинских флайеров, доставляющих с Земли новых жителей станции.

Школу организовали наспех, и учителями работали добровольцы из тех, кто имел нужный профиль. Еще давно программисты собрали роботов-помощников, и вот теперь они сновали между рядами несусветно серьезных учеников, разглядывающих задачки на экранах, парящих прямо перед их лицами в воздухе. Роботы на ходу проверяли тесты, смотрели, кто быстрее справляется, чьи оценки будут выше, и этим сильно помогали учителям.

Учителя остались, никакие цифровые технологии не заменили их полностью. Такие попытки были, но сразу стало понятно, что если перед тобой не живой человек, то ни интереса, ни понимания нет. Роботы, кроме проверки домашних заданий и проведения тестов, составляли индивидуальные планы обучения, а учитель выделял больше времени на ученика, оценивал необходимость дополнительного материала.

Искусственный интеллект достиг больших успехов! Те самые, снующие между рядами роботы подсказывали любимчикам. Кто-то из программистов ради шутки что-то подправил в

голове робота-помощника, и теперь некоторые из них обладали способностью сопереживать и упрощать учебную программу. Вот сейчас Яра увидела, как один из роботов явно слишком надолго застрял у одного из учеников и что-то лихорадочно, совсем по-человечески ему показывал на экране.

– Филли, что ты там возишься? – с подозрительной улыбкой спросила она. – Мне придется обратиться в комиссию по этике искусственного интеллекта!

Зная, что этим угрозам не суждено сбыться, все рассмеялись, а Филли как ошпаренный отскочил в сторону, чуть не налетев на соседний стул.

Когда тест закончился, на экране Яры рутинно проявились оценки, индивидуальные программы и темы, которые придется повторить.

Яра вела необычные уроки. Она была тренером по майнд-фитнесу. После таких занятий дети лучше читали, считали, решали нестандартные задачи, что нужно в любой профессии. А при работе со взрослыми задачки на логику и образное мышление помогали восстановить когнитивные функции, привыкнуть к новой реальности. Особенно здесь и после болезни.

Сейчас, занимаясь с детьми, она подумала, что любила, когда все в ее группе развивались относительно равномерно. Поэтому Андрея нужно переводить к старшим.

* * *

Катя, улучив свободные пятнадцать минут, попивала кофе в кафетерии, восстанавливая душевное равновесие. Сложные пациенты приходили часто. Обычно это были те, кто потерял родных, они чувствовали себя беспомощными и ненужными.

Яра как раз закончила урок, и до следующего у нее было большое «окно». Она тоже пришла в кафетерий и увидела подругу.

– Ну, что, по пироженьке? – весело спросила Яра. Как чуткий человек она сразу увидела, что Катя отдыхает. Яра знала, что Катю не надо расспрашивать. Захочет – расскажет, может, просто обмолвится... Потом. Психологи умели отстраняться, не принимать чужую боль как свою. Работа как работа. Но и они нуждались в отдыхе.

Примерившись к шоколадному тортнику и чашке умопомрачительного космокофе, Яра подумывала, не сходить ли в оранжерею.

Кофе здесь, конечно, ненастоящий, но они привыкли, насмешливо называя эту смесь космокофе.

– У меня школьники только через час. Пойдем в оранжерею? – предложила она.

– Давай! – отозвалась Катя, выходя из сумрака мыслей.

Оранжерея располагалась рядом с кафетерием и была очень просторной, высокой с большими иллюминаторами, как в библиотеке. Но библиотека темнее, а здесь зелень придавала свежести стенам. На фоне черного «неба» ярко освещенная оранжерея с настоящими земными деревьями, кустами и цветами завораживала. Когда в космической бесконечности появлялось свечение далеких звезд, сад был особенно прекрасен. Это случалось, когда станция делала виток, «пряталась» за планету и оказывалась в тени.

Они немного погуляли по «аллеям» и уселись на скамеечку. Разглядывая цветы, Яра откинулась на спинку. «Прям как дома, в парке, ей-Богу», – подумала она.

Катя неожиданно сказала:

– Ты знаешь, он опять притащил смартфон и пытался выяснить, почему нельзя позвонить домой.

Она сказала это тихо, но так отчетливо, что Яра резко открыла глаза и выпрямила спину. Отвечать не хотелось. Да Катя и не ждала. Люди к станции привыкали тяжело, особенно взрослые. А этот довольно упрямый, еще не пожилой мужчина регулярно таскался к ней, даже не на прием, а поговорить. Его консультации закончились некоторое время назад, но желаемого

успеха не принесли. Видимо, ему требовалось несколько больше внимания. Его мучила тоска. Поначалу Катя предполагала обратиться к психиатрам, чтобы они прописали ему антидепрессанты, но пока не решилась окончательно.

Они вернулись в кафе, оставили чашки, попрощались, и Катя пошла на очередной сеанс. Яра прогулялась еще немного по оранжерее и решила заглянуть к Саше.

Сектор научных лабораторий, инженерных и медицинских исследований находился на втором радиусе станции, то есть надо было проехать на лифте и пройти мимо больничного блока.

Саша уже третий день воевал с бионическим протезом руки. Никак не получалось запрограммировать его так, чтобы пальцы чувствовали температуру предметов. Сначала было сложно найти детский протез, теперь – сложности с нейрокомпьютерным интерфейсом. Датчики, вживляемые в мозг, пока не передавали сигналы в «руку» как положено. Саша не мог найти поломку. Недовольный и взъерошенный, он окинул вошедшую Яру резким, коротким взглядом.

– Ну, что? Поговорила с Катькой?

– Привет! – ошарашенно отстранилась Яра, – еще нет. У нее своих больных хватает.

Лаборатория была оборудована по последнему слову техники и больше напоминала компьютерный центр. На работе Саша производил впечатление полухирурга-полусумасшедшего программиста, что-то колдуя у мониторов и настраивая биопротезы так, чтобы вернуть потерянные функции телу. Вот и сейчас в левой руке он держал полурботающую искусственную руку, повторяющую движения его правой руки. Он так увлекся, что пропустил ее ответ мимо ушей.

Глава 4

Она вернулась с дачи, открыла дверь и вошла в пустую квартиру. Никого дома не должно было быть. Все остались на даче. Стояла летняя, знойная пора. Но вдруг в комнате она увидела отца, а точнее, человека, очень похожего на отца. Он сидел на стуле у стола, спокойно смотрел на нее открытым взглядом и немного улыбался, как отец. Он ждал ее. Яра испугалась, поскольку точно знала, что этого не может быть, ведь отец на даче. Все там остались, когда она уезжала.

«Кто это? Что ему здесь надо?» – пронеслось в ее голове.

Она ни на минуту не сомневалась, что это не отец. В страхе она сделала порывистый шаг назад и вскрикнула:

– Этого не может быть! Этого не может быть! Это не ты! – И попыталась выбежать на кухню.

Но там сидел еще один человек, очень похожий на ее отца! Или тот же самый?

Ее пробрал леденящий ужас. Эти копии неожиданно подошли друг к другу лицом к лицу и как будто даже удивились встрече.

Она попыталась воспользоваться моментом и затолкать их куда-нибудь. Под руку подвернулась ручка туалета. Ей даже удалось их туда впихнуть и захлопнуть дверь. Она сама удивилась, как это произошло. Все-таки они оба были высокими и жилистыми. Наверное, сработал эффект неожиданности, они просто не предполагали от девушки такую прыть. Да и Яра хоть и не производила впечатления тренированного атлета, но отличалась решительностью и некоторой спортивной подготовкой. Но, конечно, долго она не смогла сопротивляться их напору и, несколько раз хлопнув дверью туда-сюда, они выскочили.

Опустилась темнота. Она поняла, что ее похитили и удерживают в собственной квартире. Было очень страшно и странно. Вроде всё как всегда: вещи на своих местах, никто ничего не воровал и не стремился убежать, она не скована в движениях. Так солнечно за окном! По-настоящему летняя погода сейчас только усиливала гнетущее настроение. Стало понятно, что ей никак не улизнуть из дома. Она сидела на стуле, находясь в прострации, не понимая, что делать дальше. После того как она их упустила, она растерялась и отчаянно пыталась заставить себя мыслить разумно. В это время один из этих людей очень вежливо что-то объяснял ей. Она собралась, заставила себя сфокусироваться на его речи:

– Завтра мы вместе поедem в длительную поездку. Нам бы очень не хотелось применять к вам дополнительные меры убеждения, но если вы не согласитесь добровольно, то близкие вам люди могут пострадать. – Он был очень вежлив, разговаривал не громко, но очень отчетливо. Его голос проникал в самое сердце, наверное, оттого что его желто-рыжие глаза смотрели прямо в нее. У него был очень неприятный, холодный, пронизывающий взгляд, как у робота, без выражения, хотя он попробовал немного улыбнуться.

Осторожно она попыталась поговорить с ним.

– Куда мы едем?

– В Кинешму, – даже доброжелательно ответил он, но в глазах сквозила враждебность.

Она очень удивилась. Никогда ничего не связывало ее с этим городом.

Весь день они просидели дома.

В квартире было так тихо. Ничего не нарушало эту звенящую тишину. Ни разговоры, ни угрозы. Она подумала, что кто-то должен ее искать. Хотя бы, чтобы узнать, как она доехала с дачи. Она всё думала, как попросить помощи, ну у кого-нибудь, как сказать, что ее удерживают и собираются куда-то вести.

Ее заторможенное состояние продлилось до вечера, голова и ноги отяжелели. Она стала думать, что они ее чем-то ударили, когда вырвались из туалета, она просто не помнит этого.

Вдруг Яра задумалась: «А где второй? Их же двое было, абсолютно одинаковых, как один».

Спросить она не решилась.

На следующее утро, чуть более ветреное, он пришел к ней в комнату и сказал, чтобы она оделась, подготовилась к поездке, и дал ей таблетку. Таблетка была не очень большой, белого цвета, без названия на оболочке.

– Проглоти ее, если хочешь, чтобы всё было хорошо, – сказал человек угрожающим тоном, глядя на нее пристально всё тем же проникающим, как нож, взглядом.

Она сделала неловкое движение, и таблетка упала на одеяло, но все-таки не укатилась. Она подобрала ее и держала в руке. Он отвлекся на минутку, и она закинула ее за изголовье кровати, сделав вид, что положила в рот и проглотила.

В полутемную комнату, сквозь зашторенное окно, попал яркий луч света. И этот день обещал быть солнечным.

Они собрались, вышли во двор и сели в машину. Совершенно не осознавая, зачем и куда ее везут, она, как в тумане, огляделась. Никого не было этим ранним утром во дворе.

По дороге оказалось, что они заедут на какую-то турбазу, где в большом парке, бродило много незнакомых людей, никто не разговаривал друг с другом. Встревоженные, они с потерянным видом перемещались между деревьев по тропинкам, будто забыли что-то и пытались отыскать пропажу. Буквально каждый метр был увешан камерами наблюдения. За ними пристально наблюдали.

Вдруг Яра увидела маму, та торопливо шла к ней.

– Ты где пропадаешь? – Яра почувствовала, что происходит что-то неладное: ей стало понятно, что открыто говорить нельзя, кричать и бежать тоже.

Они присели на скамейку. У мамы в руках была свернутая газета. Яра взяла ее и на полях стала писать ручкой, откуда-то взявшейся на скамейке: «Мама! Меня удерживают насильно и куда-то увозят. Помоги!»

Мама прочитала. В этот момент луч солнца озарил черты ее лица, обычно мягкие, но сейчас оно осталось нейтрально задумчивым. Слегка кивнув, она вдруг встала и пошла прочь. Яра не последовала за ней, только смотрела, как мама, не торопясь, удаляется. Мама была одета в светлую юбку-миди из легкой джинсовой ткани-шамбре, край которой шелестел и немного переливался на солнце при ходьбе, и белую летнюю блузку, на ногах – летние белые босоножки на высоких каблуках, с перетягивающей щиколотки застежкой. Яра любила этот наряд, он стройнил маму.

Сердцу почему-то немного стало полегче. Яра передала весточку, и, может быть, ей помогут.

Вскоре многих из них собрали вместе на небольшой площади перед выездом из турбазы. Площадь имела три луча-дороги. Две из них являлись боковыми и шли вдоль невысокого, одноэтажного, очень длинного деревянного строения с одним сквозным коридором, из которого выходили стеклянные двери на внутреннюю территорию и наружу. Это строение тянулось вдоль периметра турбазы и ограждало ее. Снаружи вдоль него стояли высокие деревья, их буйная зелень создавала второй периметр ограждения. Третья дорога уходила вглубь территории парка.

Поднялся страшный ветер, природа сама стала олицетворением того, что происходит что-то нехорошее. Темные, почти черные, кроны деревьев склонялись под натиском ветра, их мотало из стороны в сторону, как старые мешковины. Стало пасмурно и холодно.

Под присмотром сопровождающих – видимо, всех привезли похитители насильно – люди, как во сне, проходили через это строение, покидая территорию странного места. Здание

было ветхим, стекла в окнах пронзительно дребезжали, а двери нещадно хлопали при каждом открытии или сильном порыве ветра.

Спустя время, когда все вышли и скучились снаружи, а турбаза опустела, сопровождающие, убедившись, что никто не сбежал, стали грузить всех в несколько уже ожидавших их больших автобусов. Откуда они взялись и куда сейчас поедут – никто ничего не рассказывал.

Свинцовые тучи и сильный ветер сопровождали этот процесс. Ветер бил в лицо, раздувая и разбрасывая волосы Яры.

Яра всё думала, что это была за таблетка, и как она должна была подействовать, и принимали ли ее люди, оказавшиеся вместе с ней. Она склонялась к мысли, что да, принимали, раз все такие замороженные и покладистые. Неожиданно ей пришла в голову ужасная мысль. А вдруг это была не мама, а ее двойник, такой же, как и отец. Ей стало еще холоднее, одиночество и неизвестность упали разом на ее плечи, ноги отяжелели. В автобус она едва забралась.

* * *

Яра проснулась. Этот сон ей снился часто. Он был мучительно вязким. Яра кожей чувствовала и холодный ветер, и страх, и опасность. Поэтому у нее уже стало привычкой после пробуждения ходить в бассейн, чтобы снять оцепенение.

Это не было воспоминанием о том, как она попала на станцию. Но какое-то ощущение хоть и нереальной, но связи мешало очистить сознание, и, чтобы встряхнуться, она ходила плавать.

Приятной особенностью станции был бассейн. Для этой не очень современной станции наличие бассейна было поистине подарком. Искусственная гравитация создавала иллюзию земных привычек. Одна, по ночам, когда бассейн был в полном ее распоряжении, Яра «делала» в нем не одну дорожку.

Прилет на станцию она старалась не вспоминать.

Тогда их посадили во флайер, и через короткое время они уже стояли в зоне прилета, следующей за огромным, ничем не примечательным, серо-металлическим стыковочным шлюзом. Что было удивительно, так это огромные толпы людей: операторов, носильщиков и вальняжных на их фоне пилотов. Ну, ни дать ни взять – обычный аэропорт.

Своих попутчиков Яра не запомнила, только то, что это была стайка сверстников, жавшаяся испуганно друг к дружке, ничего не понимавшая и брошенная, по всей видимости, в суете. Только спустя несколько минут к ним подошел, наверное, единственный нормальный во всем этом жужжащем улье человек с открытым лицом и конкретной информацией.

Так она познакомилась со своим командиром по смене. Яра всегда тянулась к прямым, честным людям, обладающим внутренней потребностью не бросать и не держать в неведении окружающих.

Их пригласили в тихий кабинет уже на другом радиусе станции и объяснили, как будет протекать их дальнейшее пребывание на станции.

Вот так она и осталась на станции.

К тому времени уже ходили масштабные слухи, обрастающие всё большими домыслами о захвате планеты неизвестным разумом. Но никто не хотел верить. Ведь жизнь текла своим чередом, абсолютно обыденно. Только уровень необъяснимых смертей рос из года в год. Причины списывали на личные трагедии, болезни и финансовые неудачи. Распространителей слухов считали одержимыми сторонниками сумасшедших теорий заговоров.

Сразу после прилета всем предложили навсегда полететь на Луну. Там была хорошо развитая научная колония. И, что важно, обособленная от внешнего мира. Но Ярослава не хотела для себя такого будущего. Когда-то давно, когда жизнь была еще нормальная, она на каникулах

летала туда на экскурсию. Сейчас она уже и не помнила, чем занимались те ученые, но эта постоянная, густая темнота, сопровождавшая ее из иллюминатора гостиницы, навсегда отбила в ней даже попытку обосноваться там.

Всё было чуждо, даже искусственное небо лунных оранжерей не походило на настоящее небо Земли – высокое, бесконечно синее и ветреное.

Хотя сама колония была интересна. Сверху она напоминала огромного спрута с длинными ногами-туннелями, причудливо раскинувшимися в разные стороны на много-много километров. Люди создали большие, закрытые, одноуровневые, связанные друг с другом диаметрными коридорами и шлюзами помещения: лаборатории, оранжереи, жилые отсеки, места для развлечений. Выходя утром на пробежку или прогулку с собакой или кошкой, по таким туннелям можно было далеко уйти в лунные пейзажи, не выходя на открытое, всё еще враждебное пространство. Оранжереи, с их прочным и прозрачным куполом, скрашивали лунную пустыню, перемежающуюся кратерами или горными кряжами однообразно черно-серого цвета.

На Луне так и не провели терраформирование и не создали ни атмосферу, ни ландшафт, напоминающие земные. Такие научные проекты были в начале века, но захватившие все бизнесмены, использующие спутник Земли для добычи полезных ископаемых, не отличались романтическим стремлением превратить Луну в Землю. Некоторые даже думали, что это к лучшему. Луна должна оставаться Луной, а не подобием Земли.

Ярославе тогда запомнилось завораживающее ощущение необъятных, звездных далей, хоть и освещаемых Солнцем, но таких холодных и темных, что она предпочла станцию.

Глава 5

Много лет назад, примерно в семидесятых годах XXI века, у основателей проекта «Станция» появилась возможность использовать одну, старую, на орбите. Это был перевалочный пункт для ученых, колонистов и просто путешественников в глубокий космос. Тогда часть светлых умов стали осознавать, что на планете происходит что-то необъяснимое, как будто невидимый враг захватывает... нет, не территорию, а сознание людей, делая их абсолютно управляемыми куклами-марионетками. Хотя люди продолжали жить как ни в чем не бывало – ходить на работу, отправлять детей в школу, ездить в отпуск.

Но в тихих кабинетах военных научных центров велась кропотливая, аналитическая работа по изучению глобальных изменений в умах населения. Вскоре стало известно, что эта напасть поразила не одну страну. Какая-то сила медленно, но уверенно распространяла свои «щупальца» по планете, меняя социум в целом. Так медленно, что люди успевали привыкнуть к новым, хоть и абсурдным реалиям, о которых они не могли помыслить серьезно, ну хотя бы тремя годами раньше.

Власти были обескуражены... если это захват, то кем? Неизвестным разумом – где он? Никакой открытой агрессии, каких-либо требований. С кем воевать? Куда посылать свои бесстрашные космические флотилии?

Объявлять военное или чрезвычайное положение не стали – паника никому не нужна. Попытки изменить ситуацию остались безуспешными.

Чем больше исследований проводили, тем удивительнее казались выводы. Люди становились... более счастливыми. Но за этим крылось самолюбование, прожигание жизни, равнодушие, стремление к риску. Их взгляды на жизнь становились легче. Поначалу такой излишний оптимизм, своеобразная уверенность, что всё к лучшему, позволяли найти выходы из сложных перипетий, но со временем, люди начинали слишком беспечно ко всему относиться. Их ценности и убеждения изменялись, делались гибкими, ими можно было управлять. Их начинала преследовать необъяснимая эйфория, мучить душевное выгорание от быстрого удовлетворения желаний, и заканчивали они свою жизнь в психиатрических клиниках или самоубийством. Медицинские исследования таких «больных» показывали парадоксальные изменения, когда организм сначала длительно производил гормоны «счастья», а потом в результате резко наступающей депрессии, не справляясь, проваливался в настоящий психоз. При этом страдали все системы организма. Это напоминало распространение вируса, но «заболевали» люди, не связанные друг с другом семейными или дружескими узами.

И тогда был разработан на первый взгляд сумасшедший план – вывозить «чистых», незараженных людей на орбитальную станцию. Процедура вывоза была добровольной. «Объектов» тщательно и незаметно изучали, потом им предлагали «эвакуацию», перед которой, конечно, кандидатам давали время всё обдумать.

* * *

Люди к станции привыкали тяжело. Сначала они испытывали шок от перелета и сомневались, правильно ли решили изменить жизнь, а потом приходило осознание, что на Землю они, может быть, уже не вернуться. Всё это происходило медленно и давалось мучительно.

Те, кто уже обосновался здесь, производили впечатление сильных духом, нашедших второе дыхание, что немного ободряло. Конечно, доктора оказывали помощь, проводили оценку общего состояния здоровья, но внутренняя, душевная война, не отпускала почти никого. Многие отказывались принимать реальность.

Глава 6

Обсервация на станции была оборудована великолепно. Медперсонал, палаты – всё было призвано обеспечить комфорт и спокойствие напуганным прибывающим. А испугаться было от чего...

Вновь прилетевшая пара оказалась семейной четой. Они разглядывали всё вокруг широко раскрытыми глазами. Столько вопросов появлялось сразу, что и не выразить! Не удивительно: это была совершенно иная реальность.

Высидевшись в медотсеке, где всё прямо кричало своей чистотой и стерильностью, их сразу провели в каюту.

На станции есть правило – все прибывающие должны пройти через карантин. На земле у них брали анализы, потом здесь повторяли, и еще две недели уединения – это гарантировало сохранение колонии.

Жить эти две карантинных недели их поместили вместе, а не поодиночке. Такое нарушение допустили потому, что на Земле они жили семьей. Возможно, именно это и стало ошибкой.

Ну а пока супруги, еще не пожилые, знакомились с их временным пристанищем. Это была двухкомнатная каюта, довольно уютная. В комнатах имелось всё необходимое. В большой для станции спальне стояла удобная двуспальная кровать с очень высоким и мягким матрасом, а противоположная стена – пустая. Потом они поняли, если провести рукой в воздухе близко к ней, то появляется огромный экран, на котором можно смотреть кино и местные новости. Платяной шкаф приятно удивлял своими объемами, очень вместительный. Они столько вещей не взяли. Приглушенный свет в холле позволял пройти до ванны так, чтобы не ударяться об углы в неизвестном помещении и не разбудить друг друга. Вторая комната представляла собой нечто среднее между столовой и гостиной и позволяла позавтракать или пообедать с комфортом. Гостей они не ждали, кроме медицинского персонала, так что эту комнату приспособили для чтения по вечерам. Здесь же имелся еще один экран, что очень удобно, если хочешь посмотреть разные фильмы. В окошке-иллюминаторе виднелась Земля.

Ольга, высокая, миловидная блондинка, сохранившая женственность и стройную фигуру к позднему среднему возрасту, с опаской и немного медлительно осваивала территорию. Это для нее характерно: сложно привыкать ко всему новому. Она была от природы рассудительная, спокойная, не впадающая в истерики, даже немного холодная, что очень помогало в стрессовых ситуациях. Но эти же качества подчас оборачивались нерасторопностью, упрямством, излишним стремлением всё взвесить, позаниматься самокопанием.

Андрей, коренастый, одного роста с ней, темноволосый мужчина отличался покладистым характером и старался с практической точки зрения принимать всё необычное.

Что им бросалось в глаза, так это очень хорошее медицинское оборудование, прямо-таки космическое, что в конечном счете логично.

Сразу пришли врачи и начали брать анализы, делать исследования. Их проверяли со всех сторон, но ничего не объясняли. Никаких комментариев не давали. Врачи были предельно вежливы и улыбчивы. И это очень сильно настораживало. Андрею и Ольге не нравилось сидеть в неведении.

Однажды вечером она спросила мужа:

– Что ты обо всем этом думаешь? Мы больны? Чем? – в свойственной ей манере она выпалила сразу всё, что ее беспокоило. Правда, самое неприятное предчувствие она все-таки придержала. – Мы же прошли все подготовительные процедуры!

– Я не знаю, скоро расскажут, – ответил Андрей.

Он привык принимать судьбу, как есть, не отличался особой способностью пробиваться, но на него всегда можно было положиться. А сейчас ему нечего было ответить...

В карантине была хорошая фильмотека. Так они и коротали время.

* * *

Как обычно, утром приходила медсестра, чтобы взять анализы перед завтраком. Настя была самой жизнерадостной из медперсонала. Ее яркие, задорные глаза и улыбку – единственное, что можно было рассмотреть сквозь тяжелый, полностью закрывающий тело медицинский костюм. Такие люди в почти противочумной экипировке поначалу пугали Ольгу. Потом она привыкла. И в самом деле, это уже слишком. Она никогда не считала себя какой-то заразной, прокаженной. Но здесь многое было иным.

- У вас осталась неделя, – сказала Настя, – и, если всё будет хорошо, выйдем на станцию.
- Мы что теперь здесь навсегда останемся? – не удержалась и ехидно спросила Ольга.
- Всё в свое время, – осторожно ответила Настя.

На станции существовало еще одно правило, весьма разумное. У всех прибывающих брали анализ ДНК и сравнивали с ДНК местных жителей. Это способствовало выявлению родственников. Если родственники умирали, то их можно было проводить в последний путь относительно по-человечески. Если они оказывались незараженными, то воссоединение семей проходило, как правило, в очень трогательной обстановке, хоть и не без сложностей, конечно. Ну а потом, это был верный способ создать базу данных жителей станции – такая своеобразная перепись населения. За несколько лет станция разрослась.

Анализы ДНК Ольги и Андрея показали, что маленький Андрейка, «тот мальчик», их сын. Медики пока никому ничего не рассказали, решили, пусть сначала пройдет период карантина.

– Ну что? Как наши новенькие? – спросил заведующий медицинским блоком у их лечащего врача. Он был очень высоким и совершенно худым. Прямо жердь, а не фигура, с холодным ничего не выражающим лицом. Очки Сергея Сергеевича слегка посверкивали.

- Пока всё говорит об отсутствии болезни.

* * *

К концу второй недели беспокойство Андрея и Ольги нарастало. Когда их вывозили, они добровольно пошли на этот шаг, но сейчас, уже так долго прожив в чужом месте, не зная своего будущего, прежние доводы полететь на станцию показались сомнительными. Подозрения накапливались, непонимание, отсутствие новостей – всё это сильно угнетало.

– Почему нам ничего не рассказывают? Как будто мы преступники какие-то? – Ольга с ее нетерпеливой натурой с каждым днем тяжелее переживала изоляцию.

- Они пока сами не знают. Потом всё станет яснее. Потерпи, – пытался успокоить ее муж.

– Когда потом? И что они ищут у нас? Неужели все эти слухи про какую-то болезнь – правда?

* * *

Однажды вечером Ольга спросила:

- Как ты думаешь, как там Андрейка? Где он сейчас?

Андрей ничего не ответил. Покачал головой, скорее, своим мыслям, чем ей.

Это бремя тяжело легло на них обоих. Каждый переживал потерю сам. Наверное, это и отдаляло, и сближало их одновременно, стало определяющим в решении об отлете.

Столько сил было брошено на его поиски, волонтерские бригады, бессонные ночи. Всё напрасно. Его следы так и не нашли. Почему? Сейчас уже сложно сказать, но он пропал. Для них, живших сыном, это стало страшным ударом. Ольга никогда не признавала его гибель вслух, но тот факт, что она решила покинуть Землю, стало знаком, что она считает сына погибшим. Что до Андрея, то он принял удар молча. Его уже ничего не связывало с этим ненужным миром. Полететь даже означало избавление – совсем другая жизнь, другая работа.

Так и согласились.

Поначалу они, конечно, с подозрением относились к долговязому человеку, который готовил их к полету. Вот так проститься с Землей – это сложно. Земля – это дом. Здесь всё родное. Особенно в их возрасте. А там? Что будет там? Неизвестность. Новая жизнь. Так ли она хороша?

Уже здесь, на станции, Ольга часто вспоминала этого юношу с открытым лицом и очень располагающей улыбкой. Он был среди волонтеров и сразу выделился из общей массы поисковиков. Искренне горевал, когда Андрейку так и не нашли. Именно он рассказал им про станцию.

В карантине Ольга подолгу думала обо всем этом: о потере сына, решении лететь. Совершила бы она этот шаг, если бы мальчика нашли или если б он вовсе не терялся? Она не была столь уверена.

С мужем они в последние годы не так много разговаривали и не так много проводили вместе время. Жили ли они по инерции? Кто знает? Скорее всего. Или это было какое-то внутреннее взаимоуважение и отдаленное понимание...

И вот они здесь, вдвоем, и надо снова разговаривать.

Всё же их уединение нельзя было назвать полным. Они смотрели новости станции, как дома по телеку. Бывало, обсуждали их с Настей, она даже принесла домино, о чем просила никому не говорить – запрещено. К паре здесь испытывали симпатию. В общем, время как-то проходило.

* * *

– Не нравится мне это легкое отклонение у Ольги, – одна медсестра сказала другой, внимательно изучая ее анализы на экране компьютера.

– Сказать Сергею Сергеевичу? – отозвалась коллега, – или посмотрим на утренние показатели?

– Давай помониторим немного.

* * *

Поскольку симптомов болезни так и не выявили, а две недели подошли к концу, то их выход в общие отсеки станции был назначен на ближайший вторник.

Все очень обрадовались, заулыбались, как гора с плеч свалилась. Ольга посвежела, стала собираться, планировать боялась, но ощущение конца заточения и желание увидеть станцию, их новый дом, даже имели терапевтический эффект.

Для такого события обычно устраивали небольшую церемонию встречи.

Наконец-то всем сообщили про результаты ДНК, подготовили Андрейку и родителей. Все волновались. Очень хотелось поскорей обнять друг друга.

Катя была настороженнее всех. Она понимала – к ней идут потенциальные пациенты, и придется провести целый ряд сеансов не только для привыкания к станции, но и для воссоединения семьи.

Медотсек был отделен от общего коридора большим стеклянным переходом. В назначенное время, когда первыми пошли врачи, предваряя Ольгу и Андрея, то из всей группы встречающих, а было их человек пять, выделился очень взволнованный, но скрывающий чувства, маленький мальчик с вытаращенными глазами.

Андрей радостно улыбался, Ольга, немного бледная, но тоже была заметно воодушевлена. Оставалось каких-то десять метров до дверей шлюза.

Неожиданно Ольга оступилась, потом закачалась и начала резко оседать. Улыбающееся лицо застыло, сменилось гримасой страха, ее настиг сильный приступ удушья. Схватила одной рукой за горло, другую отчаянно тянула к сыну, она отвратительно скользила по стеклу.

Все всполошились. Вокруг Ольги возникла сутолока. Она упала и почти не двигалась. В это время стал терять равновесие Андрей. К нему тоже подбежали. Врачи оказали помощь, но очень быстро всё было кончено. Сергей Сергеевич, бледный как мел, ничего не понимая, распорядился, чтобы принесли носилки забрать тела.

Ошеломленные встречающие замерли. Всё произошло у них на глазах, за стеклянными перегородками шлюзового коридора.

Катя рванулась к Андрейке, пытаясь обнять его, прижать к себе, чтобы он не видел ничего. Яра впала в оцепенение, медленно осознавая произошедшее. С той стороны все вернулись в медотсек, и никто больше не вышел. Раз болезнь супругов так неожиданно показала себя, значит, выходить из зараженного шлюза нельзя.

Начальник Яркой смены, понимая, что замыкающий процессию Сергей Сергеевич сейчас окончательно скроется, быстро подошел к коммуникатору и что-то отрывисто проговорил. Сергей Сергеевич ответил мрачно и ушел.

Стало так тихо, что было слышно работу вентиляторов. Яра, наконец, вышла из оцепенения и тоже бросилась к Андрейке. Он как к полу прирос. Весь белый, только глаза, огромные, синие, все сверлили пустой коридор.

Его родители умерли в одночасье. Сказать, что Сергей Сергеевич был обескуражен, значило бы ничего не сказать. Он был взбешен, болезнь проявила себя в самый последний момент, практически под удар была поставлена жизнь всей станции. А ведь не было никаких симптомов...

Разбор полетов на тему причин невыявленного вируса прошел в закрытой обстановке. Медики, хоть и оформили все протоколы обследований и вскрытий, но на вопросы «Почему?» да «Как получилось?» отвечали уклончиво, как всегда. Хотя, может быть, и вправду обнаружили новые особенности поведения вируса.

Глава 7

Церемония прощания с умершими на станции носила особенно печальный характер. Здесь, в космосе, гроб представлял собой одноместный челнок. Туда погружали тело и выпускали в открытое пространство. Другого способа не придумали. Родным, а часто просто сопровождающим в последний путь, необходимо было находиться в скафандрах, поскольку после коротких слов капитана предстояло открыть шлюз и выпустить челнок в космос. Погребальный зал, а на самом деле стыковочный отсек, даже не был оформлен как зал. На станции всё было строго функционально.

Космос бережно принимал такие челноки. Они медленно уплывали вдаль, в черноту. В этом неторопливом движении в бесконечность Вселенная невыносимо ясно проявляла свое величие, как дающая жизнь, так и забирающая ее.

Два челнока светло-металлического цвета неспешно отправили в вечный полет. Не было ни цветов, ни памятных вещей. Андрейке очень долго искали маленький скафандр – не было никакой возможности уговорить его посмотреть ритуал по видеозаписи.

Когда шлюз закрылся, все в скорбном молчании вернулись на станцию.

Часть II. Земля

Глава 1

Николай Николаевич шел на работу. Было чудесное, свежее утро, сверкающее после короткого летнего дождя. Солнечное и уже жаркое. На листьях деревьев блестела влага. День обещал быть прекрасным. Он любил свой город именно таким – еще не проснувшимся, пока житейская суматоха не успела вытеснить ни шелеста деревьев, ни пения птиц.

Москва в конце XXI века сильно изменилась. Невероятно высокие дома с большими ярусными зелеными террасами величественно поднимались в небо. Архитектурные стили изобиловали изогнутыми, протяженными линиями. Огромные размеры этих дуг, уходящих ввысь, просто поражали воображение. Здания представляли собой сочетание блестящих бело-металлических конструкций и растений, буйно разрастающихся летом, спускающихся между этажами. Зимой такие оранжереи, расположенные чуть ли не на каждом этаже, аккуратно убрали под теплое остекление, из-за чего дома выглядели сероватыми в пасмурном небе, даже осиротевшими и немного подтянувшимися в своем вынужденном аскетизме. Но летом ароматы и краски цветов, расположенных по всей высоте строения, придавали ощущение легкости и воздушности. Ночью зеленые, освещаемые террасы делали город очень уютным. Там хотелось гулять и разглядывать улицы сверху.

Свой флайер Николай Николаевич оставил на крыше исследовательского центра, на крытой стоянке и направился к лифту, который привез его вниз на двадцать третий этаж, в лабораторию.

На многих соседних крышах были устроены солнечные станции. Между зданиями, еще выше, где оставались только технические этажи, туда-сюда сновали флайеры.

Люди, несмотря на предостережения экоактивистов и их вечную борьбу за чистый воздух, все-таки придумали флайеры на солнечных батареях и электродвигателях, и заодно правила воздушного движения. К счастью, им пришло в голову, что не стоит опутывать небо огромными сетями проводов со свисающими знаками воздушного движения и светофоров. Вся информация поступала на бортовой компьютер авиакара или легкого флайера, и пассажиры ни о чем не задумывались. Иногда они с улыбкой вспоминали давние времена, когда водителям приходилось заучивать все правила дорожного движения наизусть, следить за дорогой днем и ночью. Да еще сдавать какие-то медицинские анализы, чтобы управлять автомобилем. Немыслимое неудобство! Сейчас бортовой компьютер делал всё что нужно, а люди превратились из водителей в пассажиров. Редко случалась необходимость взять управление на себя. Внизу по дорогам тоже ездили электрокары, весьма оживленно, но парков и аллей все-таки стало больше.

Выйдя из лифта, Николай Николаевич оказался в ярко освещенном холле. Наружные фасады зданий со своим жизнерадостным, зеленым убранством только немного повлияли на внутреннее содержание. Здесь была строгая, офисная атмосфера. Ярко освещенные переходы и коридоры преимущественно светлых тонов. Стены то и дело оживали там, где работник прикасался к ним рукой или просто пристально смотрел на них – вдруг появлялся тоненький экран, отражающий нужную информацию из брейннета, о которой коллеги могли, например, поспорить по дороге в буфет или на совещание. Брейннет стал мощной и вездесущей заменой старенькому интернету, широко использовавший технологии искусственного интеллекта и нейросетей.

Двери кабинетов были матово-стеклянными и не сильно выделялись на фоне стен. Ощущение воздушности и открытости не покидало нигде.

Николай Николаевич, проходя мимо внутренней оранжереи, отметил, что Таечка, ассистентка, поливает цветы в горшках.

– Тая? Ты чего опять их поливаешь?

– Не знаю, – смутилась она.

Через минуту к ней подъехал суетливый робот-уборщик, радостно улыбнулся, спохватился совсем по-человечески, что-то пробормотал и начал убираться в оранжерее. Тая называла его Зигги, а не «номер 4041», как было написано в его паспорте. Зигги поправил ветки кустов, случайно затенившие цветы Миддлемиста красного, проверил комплексную систему автополива и оптимального микроклимата. Он постоянно суетился и семенил туда-сюда зигзагами. Поэтому-то она его так и назвала – Зигги.

Николай Николаевич давно заметил, что людям нужно проявлять заботу, пусть даже о цветах. Так они сохраняют человечность в этом высокоинтеллектуальном цифровом мире.

В лаборатории уже с утра всё кипело, но как-то суматошно и нервозно, в общем, не радостно. Результаты исследований наноботов заставляли себя ждать. На парящем перед младшим лаборантом экране отражались цифры ночных испытаний. Динамики не было. Наноботы благополучно достигали цели, двигаясь по биожидкостям организма лабораторной свиньи-клона, но не более того. Желанного впрыска лекарства в клетку, зараженную вирусом, не происходило. О чем было сообщено Анне, заместителю Николая Николаевича, прямо перед его приходом. Он давно возглавлял эту лабораторию, которая, иногда хаотично, но все-таки довольно эффективно, проводила научные исследования в области нановирусологии.

На этот раз они столкнулись с весьма коварным вирусом. Николай Николаевич уже начал подозревать, что изучаемый вирус – это вирус-хамелеон, который умеет прикидываться нормальной клеткой и прятаться, когда к нему подходит нанобот. Вот такие игры в «кошки-мышки».

Николай Николаевич вошел в лабораторию. Пока он шел по коридору к своему кабинету, мимо пронеслась Анна, взъерошенная, с очками набекрень.

Вот еще одна устаревшая человеческая привычка – носить очки. Ведь можно вылечить зрение и даже улучшить его, вставив усовершенствованный биоглаз, хоть и дорого, но очень удобно. Но нет. Некоторые предпочитали носить очки, выбирая оправы самой невероятной формы, придумывая на них моду и давая понять, что они принадлежат к уважаемому слою общества – ученым. Иногда Николай Николаевич думал, что Анна хитрит и зрение у нее нормальное, просто в очках с обычными стеклами она выглядит солиднее. Поймав ее на ходу, Николай Николаевич спросил:

– Ну что, Аня?

– Нет динамики, – обреченно сказала заместитель. – Надо попробовать третий вариант белковых цепочек...

Аня всегда очень тревожилась, когда эксперименты шли наперекосяк. Высокая, стройная, темноволосая, обычно слегка бледная, носила неприметные одежды, вся ее жизнь была подчинена лаборатории. Простая стрижка каре делала ее лицо немного вытянутым. Она была совсем молоденькой, не очень опытной, но весьма перспективной. Ее карие глаза бегали от одного показателя на экране на стене к другому. Щеки покрывались красными пятнами – она волновалась.

К обеду Николай Николаевич уже полностью погрузился в обсуждение научных проблем распознавания инфекций наноботами, разговаривая со своим коллегой на Марсе. Он чувствовал, ему нужно поговорить с кем-то рассудительным, спокойным, и, может быть, он найдет решение, применив его излюбленную практику брейн-сторма. Это нередко помогало.

На Марсе имелась большая, научная колония, целый Иннополис, обладающий огромными перспективами и хорошим снабжением. Туда, в высокотехнологичный, современный центр, стекались светлые умы со всей Солнечной системы.

– Как погода? – спросил Николай Николаевич своего однокашника, давно улетевшего на Марс.

– Вчера закончилась буря, хоть солнце с утра увидели, – бодро ответил он. – Воюем с плантацией сахара на северо-западном склоне горы Олимп.

Ученые надеялись, что ледник, а скорее, его нижние, регулярно подтаивающие отроги, обеспечат доступ воды к посадкам и тем самым помогут их быстрому произрастанию. Но возникла другая проблема. Марсианские бури, отличающиеся своей мощностью и беспощадностью, каждый раз покрывали все растения глубоким слоем тонкой пыли, прямо как мукой. Она садилась намертво. Приходилось аккуратно их раскапывать и отмывать по листочку.

К вечеру, немного приободренный разговором с другом, Николай Николаевич засобирался домой. Прихватил зарядное устройство для своего онфона и пошел на стоянку.

Онфоны представляли собой, по сути, телефоны, только с более широким покрытием. Можно было позвонить куда угодно на Земле. К тому же последние их модификации оказались очень удобными. Онфон, как браслет, одевался на запястье и имел маленький экранчик-кнопку. При нажатии на экранчик появлялся парящий в воздухе второй экран, побольше первого, совсем рядом к запястью. На нем отражалось всё: кнопки, звонки, иконки программ и приложений, а при разговоре – лицо звонящего. Изобретателем этого чудо-прибора стал какой-то английский ученый, имени которого уже никто не помнил. Он хотел максимально упростить средства связи и не тратить силы на удерживание рукой телефона во время разговора или пересылки сообщения. Их поэтому так и назвали от английского слова *onphone*, придуманного этим ученым, – телефон на себе. Он был совсем как наручные часы. А зарядки к таким устройствам стали делать бесконтактными – просто пластина из композитного материала, на которую на ночь надо было положить онфон.

Начинался дождь, вдалеке на востоке – с крыши это было хорошо видно – собиралась гроза. Фиолетово-свинцовые тучи громоздились на шпилье старой телевышки.

Глава 2

Николай Николаевич, полноватый, кучерявый, хотя уже начавший терять шевелюру мужчины сорока пяти лет в целом был доволен судьбой. Он занимался интересным делом – руководил научной лабораторией, работающей в области развития биотехнологий и генотерапии для лечения неизлечимых болезней. У него была большая семья – жена и двое маленьких карапузов. А еще кот. Невероятно белый и пушистый.

Голова ученого гения всегда была забита идеями, реализация которых страдала по части дисциплины и организованности, поскольку Бог не дал ему строгости к самому себе, зато щедро одарил талантом и широтой души. Ему была присуща некоторая несобранность и даже рассеянность, но дело свое он знал.

Довольно часто Николай Николаевич со свойственной ему тягой находить причинно-следственные связи, а также неспособностью выключать эти качества, уходя с работы, часто задавался вопросом упадка современного общества.

На фоне чудесного тандема природы и технологий это было очевидно.

Давно затихли противники соцсетей, ведь чем дальше человек двигался, тем сильнее он погружался в сеть, и сеть погружалась в него. В первой половине века люди еще пользовались интернетом. А после короткого, но очень показательного военного инцидента, когда на несколько часов была выведена из строя самая мощная на тот момент электросеть, стало очевидно, что цифровой мир очень зависим и нужны технологии, работающие не на электричестве. Современный брейннет стал совсем иным и гораздо более удобным. Нет, Николай Николаевич не был склонен придавать современности мрачные, декадентские перспективы. Как человек науки он всегда смотрел вперед. Иногда он задумывался, даны ли ему наблюдательность и логика от рождения или это благо, приобретенное в профессии. Обращая внимание на социум, видел тонкие, медленные, но важные изменения. И они беспокоили его. Он понимал, что его интеллигентское, даже консервативное, воспитание может повлиять на его восприятие. Но всё очевиднее становилось, что происходит что-то не то.

Они с семьей вели спокойную, непубличную жизнь. Театры, изредка кино. В искусстве всё захватила дополненная реальность, и зритель становился участником процесса. Это было очень завораживающе, благодаря этому у театров стало больше посетителей, правда, иногда для слабонервных такой опыт не сулил ничего хорошего. Отпуск на Марсе, в их любимом регионе Фарсида. Периодические рабочие визиты на Луну. Мало что выбивалось из стандартного графика. Дети пока не ходили в школу – маленькие еще. В общем, жизнь шла своим чередом.

Может быть, именно размеренный образ жизни преувеличил его реакцию на несчастье их друзей. Неделю назад сын его друга умер. Молодой, красивый юноша с хорошим образованием, из преуспевающей семьи просто сел во флайер и на полном ходу влетел в ограждение космопорта. Вот так тупо... Злые языки говорили, что он стал жертвой социальной группы, где для получения экстремальных удовольствий люди вытворяли варварские вещи. Конечно, одно дело испытывать виртуальные ощущения дополненной реальности и не обделаться, совсем другое – самому совершить сумасшедший поступок и выжить, не накосячить. Вот это да! Реальные ощущения! У них это считалось чуть ли не героизмом. То, что почти наверняка такие ощущения станут последними в жизни, их не беспокоило.

Другие говорили, что с недавних пор он стал слишком податлив и легкомыслен. Его можно было уболтать на любую авантюру, включая сомнительное удовольствие от сумасшедшего полета и иллюзорную возможность выжить после него. Третьи, как всегда, искали корень в пресыщенности. Ведь папа – богатей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.